

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2307-1737-2021-2-383-401

**Силуэты харбинских поэтов
в «Поэме без предмета» В. Перелешина:
Николай Петерец**

Елена Владимировна Капинос

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
dzerv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4057-110X>

Аннотация

«Поэма без предмета» В. Перелешина может рассматриваться как энциклопедия литературной жизни русского Харбина и Шанхая 1920–1940-х гг., в ней В. Перелешин по памяти воссоздает биографии и портреты поэтов и писателей, входивших в харбинское литературное объединение «Молодая Чураевка» и «Пятница». Руководил шанхайским объединением «Пятница» поэт и журналист Николай Владимирович Петерец, его биография кратко излагается в финале «Пятой песни» «Поэмы...», в мемуарной книге Перелешина «Два полустанка» (упомянут Петерец и в мемуарах других харбинцев, к примеру в книге «Дороги и судьбы» Н. Ильиной). Фрагмент о смерти Н. В. Петереца демонстрирует характерные особенности поэтики Перелешина и создает выразительный образ той литературной среды, которую создавали поэты восточной ветви русской эмиграции. Портреты поэтов и писателей-эмигрантов контрастны в «Поэме...» по отношению к портретам советских деятелей искусства. Харбинцы изображены у Перелешина как истинные наследники русской классики, умирающей, но одновременно и бессмертной. Советские поэты, включая даже Пастернака, оставлены вне русской классической традиции. Что касается стиля,

© Капинос Е. В., 2021

то произведение Перелешина восходит к таким образцам, как «Евгений Онегин» А. С. Пушкина, «Поэма без героя» А. Ахматовой, поэма «Форель разбивает лед» М. Кузмина. Но Перелешин не напрямую следует образцам, а пародирует их, давая понять и то, что пародия была характерным способом мышления для членов шанхайского литературного кружка «Пятница».

Ключевые слова

эмигрантская поэзия, литература русской эмиграции в Китае, В. Перелешин, «Поэма без предмета», Николай Петеретц, шанхайский литературный кружок «Пятница»

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера»

Для цитирования

Капинос Е. В. Силуэты харбинских поэтов в «Поэме без предмета» В. Перелешина: Николай Петеретц // Критика и семиотика. 2021. № 2. С. 383–401. DOI 10.25205/2307-1737-2021-2-383-401

Silhouettes of Harbin Poets in V. Pereleshin's "Poem without Subject": Nikolay Peterets

Elena V. Kapinos

Institute of Philology of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
dzerv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4057-110X>

Abstract

“Poem without Subject” by V. Pereleshin may be seen as an encyclopedia of literary life in 1920s – 1940s Russian Harbin and Shanghai, in which V. Pereleshin reconstructs by memory biographies and portraits of poets and writers who were part of the Harbin literary association “Young Churaevka” and “Friday”. Poet and journalist Nikolay Vladimirovich Peterets was the head of the Shanghai association “Friday”, his biography is briefly outlined in the final of “The Fifth Song” of the “Poem...”, in the memoirs of Pereleshin “Two half-stations” (Peterets is also mentioned in the memoirs of other Harbiners, for instance, in the book “Roads and Fates” by N. Pyina). The piece on the death of Peterets displays characteristic features of Pereleshin’s poetics and creates an expressive image of the literary environment that

was created by poets of the eastern branch of the Russian emigration. The portraits of emigrant poets and writers are contrasted in the “Poem...” with the portraits of Soviet artists. Pereleshin portrays the Harbiners as the true heirs of the Russian classics, perishing yet immortal. Soviet poets, including even Pasternak, are left out of the Russian classical tradition. In terms of style, Pereleshin’s work derives from such models as Pushkin’s “Eugene Onegin,” Akhmatova’s “Poem without a Hero,” and M. Kuzmin’s poem “The Trout Breaks the Ice.” Yet Pereleshin does not directly follow the models, but parodies them, making it clear that parody was a characteristic way of thinking for the members of the Shanghai literary circle “Friday”.

Keywords

emigrant poetry, literature of the Russian emigration in China, V. Pereleshin, “Poem without Subject”, Nikolai Peterets, Shanghai literary circle “Friday”

Acknowledgements

Research is financially supported by Russian Humanitarian Science Foundation no. 19-18-00127 “Siberia and the Far East in the first half of the 20th century as the sphere of literary transfer”

For citation

Kapinos E. V. Silhouettes of Harbin Poets in V. Pereleshin’s “Poem without Subject”: Nikolay Peterets. *Critique and Semiotics*, 2021, no. 2, pp. 383–401. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2021-2-383-401

«Поэма без предмета» В. Перелешина представляет собой объемное произведение, состоящее из 8 глав, точнее «песен», написанных онегинской строфой. С «Онегиным» «Поэму...» сближает не только тип строфы, но и 8-миглавная композиция, поглавные примечания и многие другие черты. Обращенность к «Онегину» и постонегинской традиции предопределяет и другие особенности поэмы: текст Перелешина – это энциклопедия литературной жизни русского Китая, состоящая из множества портретов поэтов и писателей восточной ветви русской эмиграции – до последнего времени мало или совсем неизвестных вне Китая, но заслуживающих серьезного внимания. Они написаны на фоне портретов известных русских поэтов, каждому из которых даются яркие характеристики. В интерпретации эмигранта-Перелешина русская поэзия расколота на две половины: одна дореволюционная и эмигрантская, вторая – советская.

Перелешину, как и другим поэтам «Чураевки» и затем – «Пятницы», были особенно близки акмеисты, чья поэтика и мотивика оставила глубокий след в тексте «Поэмы без предмета». Перелешин рассказывает о судьбе Мандельштама, поэта, замученного и убитого советской властью; куз-

минские мотивы «Поэмы» – это отдельная тема для исследования; дань памяти Ахматовой отдана самим заглавием «Поэмы без предмета», отсылающим к «Поэме без героя» – балладному мартирологу русской дореволюционной поэзии, а любовный сюжет поэмы с его мотивами родства, духовного и телесного (в центре поэмы – рассказ о любви лирического героя и китайца Лю Сина – «чжэцзянца из Цзясина»), в какой-то мере вторит «Поэме без героя» с ее сестринскими мотивами в связи с образом О. А. Глебовой-Судейкиной: «ты голубка, солнце, сестра». Советские поэты, включая Пастернака, награждаются презрительными характеристиками, порицаясь за любовь к советской власти и получение от нее всяческих благ (здесь Перелешин солидарен с Буниным, подвергавшим критике Пастернака за футуристическое звучание стиха, которое для эмигрантов, очевидно, ассоциировалось с советским стилем)¹.

Поэма пишется Перелешиним в 1970–1980-е гг., печатается сначала отрывками в периодике, затем выходит отдельной книгой в 1989 г., но биографий советских поэтов в ней нет, есть лишь перечни их фамилий и общая, одна на всех, оценка их жизни и поэзии. Многие из названных Перелешиним советских поэтов уже умерли ко времени написания поэмы, но о них сообщается как о живых и продолжающих пользоваться благами, полученными из рук властей. Абсолютно иначе дело обстоит с харбинскими и шанхайскими поэтами. Перелешину важно хотя бы пунктирно набросать биографию каждого из них, запечатлевая не только самые значительные моменты жизни, но и смерть каждого.

Поэзия русского Китая, как она изображается Перелешиним, наследует традицию истинной, погубленной дореволюционной культуры, и поэтому она тоже хрупкая, погибающая, уходящая в небытие. Лирическая тема смерти, а также забвения-незабвенности, не касаясь советской культуры, отнесена только к русской дореволюционной классике, вершиной которой видится акмеизм, и к восточной ветви русской эмиграции. Приведем только один, характерный для поэмы, отрывок на эту тему:

---

¹ В одной из заметок Бунин пишет: «Почему я обязан сходить в гроб ради каких-то Артемов Веселых, Пастернаков, Бабелей, Слонимов, да еще и благословлять их? Я еще далеко не в державинском возрасте, да и они далеко не Пушкины» [Бунин, 1998, с. 232].

LVI

В годину светопреставленья
дух русской Музы изнемог:
от голода и омерзенья
угас изверившийся Блок;
за верность рыцарской присяге
был Гумилев убит в овраге;
погибли – «от иных причин» –
Волошин, Клюев и Кузмин.
Украшил запах смердяковский
разнузданное торжество:
Есенин умер от него
и задохнулся Маяковский,
хотя приветствуя «зарю»,
он радовался октябрю.

LVII

Конец горчайший Мандельштаму
на долю выпал: он зачах,
и в неотмеченную яму
его священный брошен прах <...>

LVIII

От полноты самоотдачи,
от превосходных степеней
зависели квартиры, дачи
и тиражи (всего важней).
Надели милые оковы
Демьяны Бедные, Сурковы,
Твардовские, Пастернаки,
Кирсановы и Маршаки.
Пополз Прокофьев – недвуличный? –
к рабовладельцу на порог
облобызать его сапог,
и Симонов дипломатичный
протиснулся – бочком, бочком –
за вождленным орденом
[Перелешин, 1989, с. 149–150].

И далее:

LXIV

Искусный фортель философский:
посылка первая – Маршак,
посылка большая – Твардовский,
посылка третья – Пастернак.
Все трое плакали в неволе
и о немой писали боли,
и даже (правда, между строк)
пытались бичевать порок,
порой не ладили с цензурой
и с пугалом большевика –
неумолимой ВЦК,
инстанцией довольно хмурой,
но, сделав умный ход назад,
не оставались без наград
[Перелешин, 1989, с. 153].

А вот судьба харбинцев, контрастирующая с судьбами награжденных и обласканных советских поэтов:

XXX

В «Модерне» схвачена Шапиро
(за что?) и заперта в тюрьму,
с больничной койки Ачаира
отправили на Колыму.
Дожив до окончания срока,
решил он не бежать с Востока:
седой, беззубый от цынки,
остался – северной тайги! –
невольно-«вольным» в Магадане;
глухой, не слышал воя вьюг,
но, думаю, что помнил юг –
Харбин, где собирал он дани
похвал стихами про пичуг,
отраду беженских лачуг
[Там же, с. 328].

Биография Ачаира художественно преображена в тексте «Поэмы...». В сентябре 1945 г. Ачаир был принудительно репатрирован советскими органами, провел 10 лет в ГУЛАГе, три года в ссылке в Красноярском

крае, а после освобождения жил и работал в Новосибирске, где и умер в 1960-м г.² В «Поэме без предмета» Ачаир навсегда оставлен пленником северной тайги, не получившим воли, а Красноярский край и Новосибирск превращены в куда более северный, далекий и страшный Магадан.

Очень характерно для Перелешина то, как в из одном из самых интересных эпизодов поэмы представлена судьба Николая Владимировича Петереца – поэта, возглавлявшего в Шанхае литературное объединение «Пятница». В это объединение входил и Перелешин, и работа в нем была для поэта, как следует из мемуаров, отдушиной, способом отвлечься от тех бедствий, которые постигли русскую эмиграцию в Китае и которые вынудили эмигрантов покинуть приютившую их страну.

О Н. В. Петереце известно, что он был сыном одного из видных деятелей партии эсеров, В. Н. Рихтера, который, получив образование на историко-филологическом факультете Новороссийского университета, вынужден был продолжить его в Европе (в России его преследовали за революционную деятельность): в университетах Лейпцига, Парижа и Рима, где в 1907 г. у него родился сын. Н. В. Петерец европейцем был не только по месту рождения: его мать, чья фамилия и носил поэт, принадлежала к семье состоятельных купцов, которые, имея австрийское подданство, осели во Владивостоке. Вскоре после рождения сына она рассталась с В. Н. Рихтером и вернулась во Владивосток, к своей семье, а после революции добилась для себя и для сына чехословацкого гражданства, но уехала с будущим поэтом не на запад, а в Харбин.

Судьба его отца оказалась трагичной³. В 1922 г. он был арестован, содержался во внутренней тюрьме ГПУ, и ему было предъявлено обвинение, основанное на показаниях бывшей эсерки, коммунистки Л. В. Коноплевой, которая утверждала, что в начале 1918 г. В. Н. Рихтер руководил террористической группой, пытавшейся убить В. И. Ленина и что он передал ей яд кураре, впоследствии использованный для пули, которыми стреляла Фанни Каплан. В. Н. Рихтер был осужден и провел в тюрьме семь лет, а затем был отправлен в ссылку в Южный Казахстан, в город Каракалинск, где в 1932 г. и умер, заразившись брюшным тифом.

В. Н. Рихтер, как утверждают современники, действительно, не принимал большевизма. Он был знатоком древнеримского и итальянского ис-

² См. об этом: [Ачаир, 2009, с. 5–9].

³ Подробнее о В. Н. Рихтере см.: [Сын «вольного штурмана»..., 2005].

куства, писал прозу и стихи. Сохранилось его стихотворение, антиленинское, на смерть Гумилева (декабрь 1928):

Где смерть для проклятых имён,
Лежащих в прахе вечных тлений?
А с ними в список занесён
И твой палач покорный, Ленин!

Когда звереющий чекист
Плюется пулею в поэта,
Что нам до подставной руки!
Лишь ты ответственен за это!

Несомненно, многие черты, в том числе и тягу к поэзии, сын, разлученный с отцом во младенчестве, генетически унаследовал от него. Современники, даже настроенные критически, отмечали безупречный эстетический вкус Николая Петереца. В «Поэме без предмета» есть след одной из размолвок Перелешина и Петереца. Вот небольшой фрагмент, который позволяет судить также об атмосфере «Молодой Чураевки» (и позже – «Пятницы»):

LV

Про Петереца, Николая,
напоминать не должен я:
Поэме пристально внимая,
его вы помните, друзья!
Когда-то, критик беспощадный,
мой мир конфетно-шоколадный
он высмеял и растоптал,
но не врагом, а другом стал.
Давным-давно забыты гневны,
отплаты, мести: я и сам
гоню ко всем зубастым псам
апухтинские перепевы,
маститых лилипутов злю
и Мишек Олиных травлю
[Перелешин, 1989, с. 242].

Поэтический вкус и мастерство критика и позволили, по-видимому, Петерецу возглавить Шанхайское литературное объединение «Пятница»⁴:

LVI

В Шанхае трутневик (не пчельник)
еще гнусавил в те года;
чрезмерно кислый «Понедельник»,
чрезмерно сладкая «Среда».
Мы своевольно завладели
вторым из постных дней недели,
и непременно, под шумок,
возникла «Пятница» – кружок
восьми поэтов, но закрытый.
Лезгинку, Лида, попляши,
крылами, Лара, помаши –
и властвуйте над верной свитой!
В ответ «приблудному коту»
мурлычьте, Дарлинг и Туту
[Перелешин, 1989, с. 243].

«Пятница» вспоминается Перелешину как домашний поэтический кружок (члены которого названы уменьшительными именами, Лара – это, конечно, Ларисса Андерсен, Лида – Лидия Хаиндрова, Дарлинг и Туту – коты из семейства Крузенштерн-Петерец). В восьмерку поэтов «Пятницы» входили также Варвара Иевлева, Николай Щеголев и Мария Коростовец.

«Поэма без предмета» нераздельна с поздними мемуарами Перелешина «Два полустанка». Мемуарная проза Перелешина вкупе с поглавными комментариями к песням «Поэмы» и предисловием к ней С. Карлинского образуют единый текст, где живые свидетельства дополняют лирические образы прошлого. В 1980-е гг., когда пишется поэма, 1930–1940-е видятся Перелешину как далекое прошлое, особенно если учесть, что ко второй половине XX в. русской эмиграции в Китае практически не осталось. Отношение к китайскому прошлому в «Поэме...» интересно постоянной сменой модальностей: поэты Харбина и Шанхая нарисованы так, как их видел когда-то молодой Перелешин, и одновременно так, как он видит своих друзей теперь, по прошествии многих лет:

---

⁴ Сначала Н. Петерец стал руководителем литературной студии «Чураевка», где секретарем был В. Перелешин, Н. Петерец пришел на смену Ачаиру, руководившему «Чураевкой» ранее. См. об этом: [Крузенштерн-Петерец, 1968, с. 63–64].

Не помню точно, при каких обстоятельствах я встретился в Шанхае с Николаем Владимировичем Петерецем. Теперь он был женат (на Юстине Владимировне Крузенштерн) и жил с женой, ее матерью и братом в одной большой комнате довольно близко от соборного дома.

Я сразу заметил, что в Николае Владимировиче за эти годы произошла разительная перемена. Вместо прежнего непоседливого, озорного, беспокойного юноши теперь был человек взрослый, спокойный, «оглаженный» и, главное, излучавший тепло беспредельного доброжелательства.

Петерец увлекался то одним, то другим течением мысли, но одному он никогда не изменил – пламенной любви к русской литературе. Он знал ее прекрасно. Умел дать оценку каждому литературному явлению. Пошлости не выносил и бывал к ней беспощаден, но зато каждый проблеск дарования находил в нем ласкового, заботливого пестуна. Короче говоря, Петерец тех лет характеризуется в моей памяти словом «ласковый».

Много и много раз мне приходилось восхищаться его тактом, а еще чаще и больше – его искренностью. Уже без мальчишеского задора, Петерец хотел теперь, чтобы и в Китае окрепла русская литература, первым условием которой он считал здоровую критику [Russian poetry..., 1987, p. 95].

Под увлечениями «то одним, то другим» течением мысли Перелешин имеет в виду, видимо, то, что в юности Петерец вступил в харбинскую ложу розенкрейцеров «AMORC» (Ancient Mystical Order Rosae Crucis, Древний Мистический Орден Розы и Креста, со штаб-квартирой в Калифорнии), а также увлекался астрологией; затем вышел из ложи и вступил в группу харбинских «рериховцев» под руководством А. Сальникова, но разочаровался как в рериховцах, так и в масонах.

В Харбине, в «Молодой Чураевке» Петерец слыл одним из создателей культа Лариссы Андерсен. «Почти сразу я увидел, – пишет в «Двух полустанках...» В. Перелешин, – что в Ларису все были влюблены. То есть влюблены были Петерец и Гранин, а другие пылали другими огнями, но одного Петереца было достаточно, чтобы создать моду на Ларису. Ее скандинавское имя веяло сказками Андерсена (фамилия ее отца была Андерсон), феями и русалками, а дальше возникали образы Ибсена, и Лариса воспевалась почти непрерывно как новоявленная Сольвейг. Скандинавскими образами полнились все головы и сердца, со всех перьев лились вдохновенные строки о Сольвейг, Сольвейг...».

Лучше всех в этом жанре написал сам Петерец. В его стихах была не только Сольвейг, но и Пер Гюнт, явившийся из преисподней и ставший соперником и врагом молодого поэта:

Черный парус рояля поднят,
В волнах звуков весел и юн,
Улыбается из преисподней
Ненавистный лживый Пер Гюнт
[Russian poetry..., 1987, p. 38].

Вспоминая, как создавался культ китайской «Сольвейг», Перелешин выбирает очень эффектное четверостишие из Петереца. «Черный парус» напоминает мандельштамовский остров смерти Меганом, но это и более современный поэтический образ: речь идет о волнах звуков и паруснике-рояле, сам же звук моря и волн имитируют эффектные ассонансы (в особенности на -а), аллитерации (особенно частотны согласные, составляющие слово «волна»: *в, л и н*) и ассонансные рифмы (поднят / преисподней, юн / Пер Гюнт), причем две пары рифм перекликаются между собой в звуках: поднят – Пер Гюнт, преисподней – юн.

В Шанхай Н. Петерец перебрался после оккупации Манчжурии японцами. Перелешин появился там позже, но так или иначе в Шанхае оказались многие из харбинцев: Ларисса Андерсен, Николай Щеголев, Лидия Хаиндрова. В мемуарной прозе, как и в «Поэме...», описывая кружок «Пятница», Перелешин подчеркивает уютную, домашнюю обстановку пятничных заседаний и особый колорит китайской жизни: «Посредине комнаты Пятницы стоял большой стол, но все старались держаться поближе к чугунной печке – доброму Молоху, пожиравшему колобки, сплетенные из угольной пыли с глиной (“мэй-цю-р”) и взамен этой жертвы распространявшему вокруг блаженную атмосферу тепла и уюта» [Ibid., 1987, p. 96].

В шанхайский период Н. Петерец, будучи редактором газеты «Родина», которую издавал «Союз возвращения на Родину», серьезно увлекся марксизмом, о чем можно прочесть в воспоминаниях Н. Ильиной:

В Союзе возвращенцев я не состояла, познакомилась с Петерецем лишь летом 1941 года, когда «Родина» превратилась в ежедневную газету «Новая жизнь».

Петерец редактировал ее до смерти. Он умер рано, не дожив до сорока лет. Сведения мои о его молодости скудны. Насколько мне известно, в двадцатые годы он сугубо отрицательно относился к советской власти, а в тридцатые годы стал ее любить. В молодости пописывал стихи. Образованный, начитанный, памятный человек. Слеплен из того теста, из какого лепят фанатиков.

Внешне очень непривлекателен: узкоплеч, хил, колченог и со зрением неладно. Глаза его косили и казались странными из-за сильно увеличивающих стекол очков. Копна серо-коричневых волос, худые, желтые от курева,

с длинными ногтями пальцы, мягкие штаны с мешками на коленях, грязные обтрепанные воротнички и обшлага... В плохих романах такой наружностью обладают персонажи отрицательные. А этот был вполне положителен: и добр, и честен, и образован. Но – фанатик. Всегда им владела «одна, но пламенная страсть».

Видимо, в начале тридцатых годов Петерец из Харбина приезжает в Шанхай и работает там в газете. <...> Петерец там и писал, и редактировал, а получал ровно столько, чтобы не умереть с голоду. <...> Сидел, вероятно, не поднимая головы, в худых желтых пальцах сигарета, и пальцы эти дрожали от ненависти, от сознания бессилия. Деться некуда. Ничего не умел Петерец, кроме журналистской работы, иностранных языков не знал, о физическом труде и речи быть не могло <...>

Еще в 40-м году Петерец поражал всех, кто читал газету «Родина», своим знанием трудов классиков марксизма, которых цитировал беспрестанно. <...> Он знал, что капитализм обречен, должен исчезнуть, а с ним исчезнут и эксплуататоры <...> И главное знал Петерец: социализм не утопия, не мечта человечества, а реальность. Социализм есть, существует, победил! Отныне все помыслы бедного Петереца были устремлены к стране победившего социализма, к земле обетованной [Ильина, 2011, с. 281–282].

Петерец несколько раз упоминается в поэме Перелешина, но в «Поэме без предмета» увлечение его марксизмом не акцентируется, а самый полный поэтический очерк его биографии содержится в «Пятой песне» (это почти середина, золотое сечение «Поэмы...»), где рассказывается о его смерти (он умер в 1944 г. от воспаления легких) и о мистической встрече с тенью поэта, явившейся на заседании кружка «Пятница» вскоре после его смерти.

LXVIII

«Фа» – бездыханные фаготы,
фа – изнемогшие смычки,
бескачественные пустоты,
изжизненные сквозняки
под искоркой подслеповатой...
Встревожены мы были датой
(и оказалось, что не зря)
тринадцатого октября.
Увы, тревога – не защита:
В то утро Коля заболел
(наш Петерец): хрипел, горел
под мокрой тяжестью плеврита.

Задачу смерти упростив,
Врач объявил, что это – тиф.

LXIX

Был склянками заставлен столик,
увы, не теми, как на грех,
и умер Петерец – католик
по имени, такой же чех,
по сердцу – россиянин верный...
«И он, и он во тьме безмерной»,
но доброту и блеск ума
не навсегда покрыла тьма:
оправданный в конце эона
по милости, не по суду,
гуляя в пальмовом саду
вдоль берегов реки Гихона,
меня преданьям о Лилит
друг и учитель умудрит.

LXX

«Полк замертво свалился пьяный,
конь пеной изошел, скача»,
с безумной дробью барабанной
разбилось сердце трубача
Нет! Об ушедшем брате старшем
грустили мы не только маршем,
а в дальних уголках земли
его, живого, сберегли.
На сходке дружного аула
Решили мы в ближайший раз,
что не займет никто из нас
его пустующего стула,
чтоб, сидя с нами у стола,
имел он капельку тепла, –

LXXI

Не райскую, еще земную,
печным утешился огнем...
А в пятницу очередную
мы рано собрались втроем
стол застелить, расставить блюда.
И вдруг, неведомо откуда
послышался знакомый стук.

Преувеличить ли испуг,
затрепетать, попадать на пол,
лежать остаться на полу –
лишь от того, что по стеклу
холодный ноготь процарапал?
А если это чувств обман,
январский ветер и туман.

LXXII

Мария Павловна шагнула
В едва заделанный проём
и двери настежь распахнула:
– Входите, Коля, мы вас ждем.
Мы верим в жизнь, и вы поверьте,
что в мире нет бессмертной смерти,
что наш конец, распад и тлен –
почин грядущих перемен.
Монах, мирянка и теософ,
мы в первозданный верим свет,
и мрака нет, и смерти нет,
неразрешимых нет вопросов,
и если, Коля, это так,
подайте нам бесспорный знак!

LXXIII

И в то же самое мгновенье
свет электрический погас.
Марксист решил бы: совпадение,
но и второй, и третий раз!
И в эти три секунды мрака
мы распознали тайну знака,
язык евангельских чудес,
победный клич: «Христос Воскрес!»
Они грешны. Я тоже грешен,
но светотемный диалог
мы трое приняли в залог,
что Андерсен и Перелешин,
и постница Коростовец
близка к нирване, наконец!

[Перелешин, 1989, с. 249–251]

Этот фрагмент демонстрирует многие черты поэтики Перелешина: его приверженность к классике (сами сюжеты – смерть поэта и встреча с тенью поэта восходят к классическим образцам), пародирование классических образцов, мотивы пустоты, обусловленные замыслом «Поэмы без предмета» (это энциклопедия навсегда исчезнувшего мира китайской эмиграции) и ее заглавием. Мотив пустоты, уничтожения, смерти угадывается в семантике многих слов, составляющих отрывок: *бездыханные, изнемогишие, бескачественные, изжизненные, подслеповатая, тьма, конец эона, проём, двери настезь* и пр. Однако многие из этих слов обозначают не полную пустоту или невозможность (*подслеповатый*), окказиональны (*бескачественная, изжизненная*), что воплощает любимую идею Перелешина – идею дао⁵ как невидимого и недоступного, но совершенного, как первопричину всего сущего, «матерь всех вещей». Таким образом, «приконченный Харбин», т. е. вся восточная ветвь русской эмиграции в изображении Перелешина, – не просто смерть, а пустота, чреватая преизбытком. При этом, конечно, древнекитайская философия оригинальным образом сочетается здесь с балладными традициями русской стихотворной поэмы в духе ахматовской «Поэмы без героя» и кузминской «Форели».

Одна за другой в отрывке о смерти Н. В. Петереца идут закавыченные цитаты: первая, в LXIX строфе, из Гумилева («во тьме безмерной»), вторая, в LXX строфе, из Цветаевой. Отмеченные кавычками границы первой цитаты не точны. Цитируется раннее стихотворение Гумилева, где в связи с рассматриваемым нами отрывком из «Поэмы...» обращают на себя внимание те же, что и у Перелешина, мотивы: тьмы и судного часа – мотивы, созвучные идее дао, идее тьмы, конца, дающего начало новому:

Нет, ничего не изменилось
В природе бедной и простой,
Всё только дивно озарилось
Невыразимой красотой.

Такой и явится, наверно,
Людская немощная плоть,
Когда ее из тьмы безмерной
В час судный воззовет Господь.

---

⁵ Первый сборник Перелешина «В пути» заглавием напоминает китайскую книгу «Дао Дэ Цзин», поскольку еще одно из значений «дао» – начало пути, позже Перелешин сам переведет «Дао Дэ Цзин» на русский, см.: [Лао-Цзы, 1992].

Знай, друг мой гордый, друг мой нежный,
С тобою лишь, с тобой одной,
Рыжеволосой, белоснежной,
Я стал на миг самим собой.

Ты улыбнулась, дорогая,
И ты не поняла сама,
Как ты сияешь, и какая
Вокруг тебя сгустилась тьма
[Гумилев, 1988, с. 123].

Кроме мотивов судного часа, важно, что это еще и отсылка к культуре Гумилева у поэтов «Чураевки» и «Пятницы», а также напоминание о юности Петереца, любителя экзотики, знатока Каббалы, рыцаря розы и креста и поэта, представлявшего, как и другие харбинцы, Восток, точнее, Китай, как земной рай.

Следующая цитата эффектно перебивает гумилевскую экзотику своим русским звучанием, поскольку взята из «Царь-девицы», поэмы, стилизованной в русском стиле. Переключение из рыцарского, европейского и экзотического, ориентального ключа в русский возвращает к пушкинскому стилистическому разнообразию. Надо отметить также и пародийность «Поэмы без предмета»: стилистическая пестрота, обилие самых разных цитат и «домашних» контекстов, которые требуют обязательного комментария, сочетаются с остроумным пародированием ритмов, рифм, поэтических приемов. У Перелешина смерть Петереца соседствует с мотивами мистических наваждений и воспоминаний, напоминающих опьянение, поэтому здесь оказалось возможным пародирование чужих рифм. Например, Цветаева рифмует: пьяный / барабана, скача / трубача:

Полк замертво свалился пьяный.
Конь пеной изошёл, скача.
Дух вылетел из барабана.
Грудь лопнула у трубача
[Цветаева, 1922, с. 35].

А Перелешин указывает на «запретность» столь неточной рифмы, как у Цветаевой, рифмуя слова с теми же корнями (пьяный / барабанный), отчего рифма не становится более точной, а, хотя и грамматически «подправленная», поражает своей неточностью.

Далее следует описание «свето-темного» знака, поданного духом поэта. Январский колорит придает происшествию характер рождественского чу-

да с застольным ожиданием гостей с того света, приготовленным местом для мертвеца – всё это, как уже говорилось, наводит на ассоциации с «Поэмой без героя» и другой святочной русской поэзией, но ассоциации эти пародируются. То, что именно тень Петереца является на пир, пародирует чуроевское прозвище и портрет поэта, как нельзя лучше подходящий для сцены «чертовни»: «Был он, безусловно, неглуп и талантлив, – вспоминал о Петереце М. Волин, – но без всяких моральных принципов. Исключительно неприятный физически, он производил впечатление вечно неумытого и непричесанного человека, редко стригущего свои вихрастые волосы. Ногтей он тоже не стриг. Мне запомнился желтый и грязный ноготь на его указательном пальце. Петерец курил не переставая, часто заливался неестественным смехом, переходящим в кашель, бурлящий и клокочущий в его прокуренных бронхах. Один глаз его косил, и он носил очки с сильными стеклами в роговой оправе. “Вампиряка” – прозвище, данное ему поэтессой Викторией Янковской, – удивительно подходило к его внутреннему и внешнему облику. Как у знаменитого вампира Дракулы, при бледном лице он имел неестественно красные губы, которые часто облизывал» [Волин, 1997, с. 226].

Аналогичным образом создаются и другие портреты поэтов и писателей русского Китая. Отрицая советских поэтов, окружая их нарочито бытовой обстановкой, лишая их смерти, а одновременно и бессмертия, Перелешин пишет в «Поэме без предмета» альтернативную историю русской литературы XX в., главные фигуры которой – никому подчас неизвестные поэты-эмигранты.

Список литературы

- Ачаир А.* Мне кто-то бесконечно дорог... Стихотворения. М.: Янус-К, 2009. 428 с.
- Бунин И. А.* Публицистика 1918–1953 годов. М.: Наследие, 1998. 640 с.
- Волин М.* Гибель Молодой Чураевки // Новый журнал (Нью-Йорк). 1997. Кн. 209. С. 216–240.
- Гумилев Н. С.* Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1988. 632 с.
- Ильина Н. И.* Дороги и судьбы. М.: АСТ: Астрель, 2011. 766 с.
- Крузенштерн-Петерец Ю. В.* Чураевский питомник (О дальневосточных поэтах) // Возрождение [La Renaissance] (Париж). 1968. № 204. С. 45–70.
- Лао-Цзы.* Дао дэ цзин. Хуай Наньцзи / Пер. В. Перелешина. Котлас: Эзотерическое издательство «Скрижали», 1992. 84 с.

Перелешин В. Поэма без предмета / Под ред. С. Карлинского. Холиок: Нью Инглант Паблишинг К°, 1989. 411 с.

Сын «вольного штурмана» и тринадцатый «смертник» судебного процесса с.-р. 1922 г.: Сборник документов и материалов из личного архива В. Н. Рихтера / Сост. К. Н. Морозов, А. Ю. Морозова, Т. А. Семенова (Рихтер). М.: РОССПЭН, 2005. 655 с.

Цветаева М. Царь-девица. М.: Гос. изд-во, 1922. 162 с.

Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai, 1930–1950. The Memoirs of Valerij Perelesin. Amsterdam, 1987. 159 p.

References

Achair A. Mne kto-to beskonechno dorog... Stikhotvoreniya [Someone is infinitely dear to me... Poems]. Moscow, Janus-K, 2009, 428 p. (in Russ.)

Bunin I. A. Publitsistika 1918–1953 godov [Journalism 1918–1953]. Moscow, Heritage, 1998, 640 p. (in Russ.)

Gumilev N. S. Stikhotvoreniya i poemy [Poems]. Leningrad, 1988, 632 p. (in Russ.)

Iina N. I. Dorogi i sud'by [The Roads and destinies]. Moscow, AST: Astrel, 2011, 766 p. (in Russ.)

Kruzenshtern-Peterets Yu. V. Churaevskiy pitomnik (O dal'nevostochnykh poetakh) [Churaevsky nursery (On the Far Eastern poets)]. *Renaissance [La Renaissance]* (Paris), 1968, no. 204, pp. 45–70. (in Russ.)

Laozi. Dao de tszin. Khuay Nan'tszi [The Tao Te Ching. The Huai Nanji]. Transl. by V. Pereleshin. Kotlas, The Tablets Esoteric Publishing House, 1992, 84 p. (in Russ.)

Pereleshin V. Poema bez predmeta [Poem without subject]. Ed. by S. Karlinsky. Holyoke, New England Publishing Co., 1989, 411 p. (in Russ.)

Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai, 1930–1950. The Memoirs of Valerij Perelesin. Amsterdam, 1987. 159 p.

Syn “vol'nogo shturmana” i trinadtsatyy “smertnik” sudebnogo protsesssa s.-r. 1922 g.: Sbornik dokumentov i materialov iz lichnogo arkhiva V. N. Rikhtera [The son of a “free navigator” and the thirteenth “suicide bomber” of the trial s.-r. 1922: Collection of documents and materials from the personal archive of V. N. Richter]. Comp. by K. N. Morozov, A. Yu. Morozova, T. A. Semenova (Richter). Moscow, ROSSPEN, 2005, 655 p. (in Russ.)

Tsvetaeva M. Tsar'-devitsa [Tsar Maiden]. Moscow, State Publishing House, 1922, 162 p. (in Russ.)

Volin M. Gibel' Molodoy Churaevki [The Death of Young Churaevka]. *New magazine* (New York), 1997, book 209, pp. 216–240. (in Russ.)

Информация об авторе

Елена Владимировна Капинос, доктор филологических наук

Information about the Author

Elena V. Kapinos, Doctor of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 10.08.2021; одобрена после рецензирования
12.09.2021; принята к публикации 15.09.2021
The article was submitted 10.08.2021; approved after reviewing 12.09.2021;
accepted for publication 15.09.2021*